

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 314.3

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281

EDN SOBNI

Региональная динамика рождаемости населения России во второе пятнадцатилетие XXI столетия

Леонид Леонидович Рыбаковский¹, Тамара Андреевна Фадеева²

^{1,2} Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

¹ (1284781@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-9702-2534>)

² (fadeevatoma@gmail.com), (<http://orcid.org/0000-0001-9866-5913>)

Аннотация

Статья посвящена процессам, происходившим в 90-е годы в экономической, социальной и других сферах жизнедеятельности российского общества, и показывает их изменения, наступившие в новом столетии. Не остались в стороне и демографические процессы, переживавшие почти все 90-е годы глубокий кризис. Депопуляция, вызванная как ростом смертности, так и сокращением рождаемости, продолжалась в начале XXI века, изменив лишь свои составляющие: в начале нового века смертность осталась ещё сверхвысокой, тогда как рождаемость уже начала постепенно расти. Нужны были срочные меры, которые способны были исправить демографическую обстановку в России. В статье показано, что середина десятилетия (2014–2016 гг.) явилась переломным моментом бывшего сравнительного благополучия в демографическом развитии России. С 2016 г. вновь наступила полоса естественной убыли. Особенно значительной она стала в 2021–2022 гг. в период эпидемии коронавируса. В статье даётся анализ региональной дифференциации динамики рождаемости в России в десятые-двадцатые годы XXI века и влияния на них мер демографической политики. Улучшение демографической ситуации, как и наступление депопуляции в этот период связаны с двумя факторами – изменением возрастных коэффициентов рождаемости и численностей женщин репродуктивных групп. Это характеризуется на основе динамики суммарного коэффициента рождаемости (СКР) за 2002–2022 гг. Бывшая в десятые и начальные двадцатые годы XXI в. динамика численности женщин в наиболее активных репродуктивных возрастах сказалась на соотношении темпов сокращения чисел родившихся и СКР. В 20-е годы продолжится сокращение численности женщин репродуктивного возраста, о чём говорят цифры о рождаемости в 80-х – 90-х годах и данные переписи 2020 г. о репродуктивных возрастах. Демографическая волна, возникшая в те годы, весьма существенно влияла и ещё будет влиять на числа родившихся в 20-е годы, но этим временем она не ограничится. На стыке 40-х – 50-х годов волна вновь даст знать о себе и чтобы уменьшить её последствия, необходимо уже сегодня принять новую достаточно продуманную демографическую политику.

Ключевые слова: суммарный коэффициент рождаемости, депопуляция, демографическая политика, возрастные показатели рождаемости, числа родившихся, числа умерших, репродуктивный возраст, естественное движение населения, материнский (семейный) капитал, результативность демографического движения

Для цитирования: Рыбаковский Л.Л., Фадеева Т.А. Региональная динамика рождаемости населения России во второе пятнадцатилетие XXI столетия // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 271–281. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281
EDN SOBNI

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281

Regional Dynamics of the Birth Rate of the Russian Population in the Second Fifteen Years of the 21st Century

Leonid L. Rybakovskii¹, Tamara A. Fadeeva²

^{1,2} Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (1284781@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-9702-2534>)

² (fadeevatoma@gmail.com), (<http://orcid.org/0000-0001-9866-5913>)

Abstract

The article is devoted to the processes that took place in the 90s in the economic, social and other spheres of life of Russian society and shows their changes that have occurred in the new century. Demographic processes, which experienced a deep crisis for almost the entire 90s, did not stand aside either. Depopulation, caused by both an increase in mortality and a decrease in the birth rate, continued at the beginning of the 21st century, changing only its components: at the beginning of the new century, mortality remained extremely high, while the birth rate had already begun to gradually increase. Urgent measures were needed that could correct the demographic situation in Russia. The article shows that the mid-1990s (2014–2016) was a turning point in the former comparative prosperity in the demographic development of Russia. Since 2016, a period of natural decline has begun again. It became especially significant in 2021–2022, during the coronavirus epidemic. The article provides an analysis of the regional differentiation of fertility dynamics in Russia in the tenth and twenties of the 21st century and the influence of demographic policy measures on them. The improvement in the demographic situation, as well as the onset of depopulation during this period, are associated with two factors – changes in age-specific birth rates and the number of women in reproductive groups. This is characterized based on the dynamics of the total fertility rate for 2002–2022. Formerly in the tenth and early twenties of the 21st century. The dynamics of the number of women in the most active reproductive ages affected the ratio of the rate of

decline in the number of births and TFR. In the 20s, the number of women of reproductive age will continue to decline, as evidenced by the figures on the birth rate in the 80s and 90s and the 2020 census data on reproductive ages. The demographic wave that arose in those years had a very significant influence and will continue to influence the number of births in the 20s. But it will not be limited to this time. At the turn of the 40s–50s the wave will make itself known again. To reduce its consequences, it is necessary to adopt a new, well-thought-out demographic policy today.

Keywords: total fertility rate, depopulation, demographic policy, age-specific fertility rates, numbers births, number of deaths, reproductive age, natural population movement, maternal (family) capital, effectiveness of demographic movement

For citation: Rybakovskii L.L., Fadeeva T.A. Regional Dynamics of the Birth Rate of the Russian Population in the Second Fifteen Years of the 21st Century. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):271–281. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_10_271_281 (In Russ.)

Введение

К началу XXI века в существенной мере завершились процессы, происходившие в 90-е годы в экономической, социальной, да и в демографической сферах. В экономической сфере, прежде всего, значительная часть промышленных предприятий была приватизирована, т.е. из общественной собственности трансформировалась в частную, притом многие из них превратились в торговые и развлекательные учреждения. Об этом обстоятельно говорится в книге Андрея Караулова [1]. В результате подобных манипуляций объём промышленного производства в 1993 г. сократился к уровню 1990 г. до 45%¹. Спадом производства сопровождалось и сельское хозяйство. Так, поголовье крупного рогатого скота, составлявшее в 1990 г. 58,8 млн, сократилось в 1994 г. до 48,9 млн, свиней соответственно вместо 40 млн стало 28,6 млн, овец и коз – вместо 61,3 стало 43,7 млн.² В целом объём внутреннего валового продукта в 1996 г. составлял к уровню 1990 г. минус 60%.

В 90-е годы огромных размеров достигла безработица (число безработных к 1996 г. возросло по сравнению с 1992 г. почти на 3 млн), а также чудовищными размерами характеризовалась инфляция. По данным С.В. Рогачева с начала до конца 1993 г. цена ржаного хлеба выросла с 22 до 205 руб., т.е. в 9 раз [2, с. 86]. Повсеместно происходило изменение структуры потребления. В 1993 г. по сравнению с 1990 г. потребление мяса и мясных продуктов сократилось до 78,3%, молока и молочных продуктов – до 76,2%, растительного масла – до 68,6% и сахара – до 65,7%. Вместе с тем, потребление картофеля увеличилось до 119,8% и хлебных продуктов – до 104,2% [3, с. 197]. В те же годы потребление алкоголя увеличилось более чем на 8%. Все эти и другие процессы, происходившие вплоть до конца 90-х годов в экономической и социальной сферах, в той или иной степени отражались на динамике смертности и рождаемости населения.

¹ Российский статистический ежегодник. 1994: Стат. сб. / Госкомстат. М., 1994. С. 613.

² Там же. С. 360.

С наступлением нового столетия ситуация во всех сферах жизнедеятельности российского общества постепенно меняется. Прежде всего, стало расти промышленное производство. Его уровень в 2000 г. по сравнению с предыдущим годом возрос на 8,7%; то же самое – в 2005 г. – на 5,1%, в 2006 г. – на 6,3%, в 2007 г. – на 6,8%, и в 2008 г. – на 0,6%. В 2009 г. произошло снижение уровня к предшествующему году на 9,3%, а в 2010 г. снова рост на 8,2%, в 2011 г. – на 4,7% и в 2012 г. – на 2,8%³. В целом, за восемь лет (2005–2012 гг.) объём промышленного производства увеличился на 44%. Хуже менялись возможности сельскохозяйственных производств. В частности, поголовье крупного рогатого скота в 1990 г. составляло 57 млн голов, а в 2000 г. опустилось до 27,5 млн и в 2006 г. до 21,6 млн. Заметно лучше была динамика поголовья коз и овец. Их количество, составлявшее в 1990 г. 58,2 млн голов, в 2000 г. сократилось до 15 млн, а затем стало ежегодно возрастать: в 2005 г. – до 18,6 млн, в 2010 г. – до 21,8 млн и в 2012 г. – до 24,2 млн голов. Подобная динамика и в поголовье птицы. В 1990 г. было 660 млн голов, в 2000 – 341 млн, в 2005 г. – 357 млн, в 2010 г. – 449 млн и в 2012 г. – 496 млн.⁴ В целом, о происходящих в начале XXI века изменениях в сфере экономики можно судить по динамике внутреннего валового продукта, который только в первой половине 90-х годов сократился до 60% к уровню 1990 г. В первом десятилетии нового столетия валовый внутренний продукт ежегодно (за исключением 2009 г.) возрастал к предыдущему году на 5–8%. Так, в 2005 г. он увеличился на 7,6%, в 2006 г. – на 8,3%, в 2008 г. – на 5,7%, в 2009 г. сократился до 92,4%, в 2010 вновь возрос на 4,6% и в 2011 г. – на 5,4%.⁵ В те же начальные годы нового столетия в стране заметно улучшилась и финансовая ситуация. В частности, в 2005 г. был бюджетный профицит (1759 млрд руб.), в 2010 – дефицит (1584,7 млрд), а уже в 2011 и 2012 годы – вновь профицит (860,7 и 260,4 млрд руб.). В эти же

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 584.

⁴ Там же. С. 396.

⁵ Там же. С. 378.

годы заметно снизился и внешний долг России. Если он составлял ещё в 2000 г. 116,7 млрд долл., то в 2005 г. сократился до 71,1 млрд, а в 2010 г. – до 34,5 млрд долл.

Улучшение экономической и, соответственно, финансовой ситуации в стране не могло не сказаться на положительных сдвигах, происходящих в социальной сфере [3, с. 66]. Прежде всего, существенно сократилась безработица. В 2000 г. численность безработных составляла 7700 тыс. человек, к 2005 г. она сократилась до 6242 тыс. и в 2012 г. – до 4131 тыс. человек. Соответственно, в эти годы повысился и жизненный уровень населения России. Если ещё в 2000 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума достигала 29%, то уже в 2005 г. эта цифра снизилась до 17,8%, а в 2010 г. до 12,5%, т.е. в 2,3 раза.⁶

В 2000 г. реальные денежные доходы российского населения выросли по отношению к 1999 г. до 113,4%, в 2005 г. к 2004 г. – до 111,7% и в 2010 г. к 2009 г. – до 105,4%. Особенно улучшилось положение в жилищном строительстве. Если в 2000 г. было введено 30,3 млн кв. м. жилья, что более чем в 2 раза меньше, чем это было в 1990 г., то уже в 2005 г. было введено 43,6 млн, а в 2011 г. – 62,3 млн кв. м., т.е. даже больше, чем в 1990 г.

В статье изучается проблема региональной динамики рождаемости населения России. Демографические процессы, переживавшие почти все 90-е годы глубокий затяжной кризис, были обусловлены ухудшением компонентов воспроизводства населения [4]. Процессы рождаемости, как и другого компонента воспроизводства населения – смертности, происходившие в 90-е годы, и затем в течение первой четверти нового столетия не только стали активно изучаться, но, что ещё более важно, в XXI веке регулярно освещаться в научной литературе. В списке источников, указываемых в статье, приводится малая часть тех монографий, которые были подготовлены при участии наиболее крупного специалиста, предметом исследований которого уже многие годы является рождаемость. Речь идёт об В.Н. Архангельском. С его участием ИСПИ РАН, а в последние годы ИДИ РАН издали более десятка монографий, только указанных в списке [5-11]. В разделах, написанных В.Н. Архангельским, а также в ряде его научных статей, приводится колоссальный объём статистической и социологической информации и даются ответы на многие вопросы, связанные с динамикой рождаемости (в том числе, и в регионах страны) в последние десятилетия.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 36.

В самой первой демографической работе, изданной в 2001 г., автором раздела по рождаемости была А.Д. Захарова, как и В.Н. Архангельский, выпускница статистического института. Позже уже в десятые годы по проблемам рождаемости были опубликованы работы О.Л. Рыбаковского в соавторстве с О.А. Таюновой [12] и позже – с Фадеевой Т.А. [13]. По проблемам рождаемости опубликован также ряд работ, авторами которых являются учёные МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшей школы экономики и др.

Объектом исследования данной статьи являются происходившие первую четверть XXI века процессы воспроизводства населения, одним из которых является рождаемость. В свою очередь, цель исследования состоит в выявлении региональной дифференциации уровней рождаемости и связи её динамики с осуществлением новых мер демографической политики, а также изменениями численности женщин репродуктивного возраста. В соответствии с этой целью задачи исследования заключаются: в группировке регионов в зависимости от уровня суммарного коэффициента рождаемости с их последующим сопоставлением для периодов, разных по характеру демографического развития; в выявлении влияния на региональные уровни рождаемости реализации новых мер демографической политики и ситуации в демографической сфере в период 1-го и 2-го этапов депопуляции; в оценке возможных изменений рождаемости в связи с продолжением действия демографических волн.

Научная новизна и значимость представленного исследования заключается в том, что в отличие от тех публикаций, которые вышли даже уже в новом столетии, в ней сопоставляется суммарный коэффициент рождаемости (СКР) всех групп регионов за двадцатипятилетний период демографического развития страны: до введения новых мер демографической политики, во время действия новых мер стимулирования роста рождаемости и в то время, когда стала затухать результативность этих мер.

Методы исследования включали в себя периодизацию характера демографического развития; этапизацию депопуляции населения; группировку регионов, сопоставление уровня и динамики демографических процессов в разные периоды развития России и их возможного развития на стыке 40-х – 50-х годов и др. Результаты представленного исследования основаны на анализе официальных документов, данных Росстата, изучении наиболее известных публикаций российских учёных по изучаемой проблеме.

Новая демографическая политика в России и её влияние на рождаемость населения

Депопуляция, т.е. естественная убыль, вызванная как ростом смертности, так и сокращением рождаемости, продолжавшаяся с 1992 г. вплоть до начала XXI века, изменила свои составляющие: в начале нового века смертность осталась ещё сверхвысокой, тогда как рождаемость начала постепенно расти (таблица 1).

За семь лет (2000–2006 гг.) число родившихся увеличилось на 264,9 тыс., т.е. в среднем ежегодно прирастало по 37–38 тыс. [5, с. 13]. В это же время числа умерших, превысив в 1999 г. отметку в 2,1 млн, а в последующие шесть лет – 2,2–2,3 млн человек в год, продолжали определять естественную убыль, величина которой вплоть до 2005 г. составляла 850–950 тыс. О результативности естественного движения, учитывающего оба его компонента (рождаемость и смертность), свидетельствуют следующие данные [6]. В 1999–2001

гг. на каждую тысячу родившихся умирало свыше 1,7 тыс. человек. В 2002–2003 гг. КРЕД (коэффициент результативности естественного движения) сократился до величины ниже 1,6 тыс. и в 2004–2005 гг. – до 1,5 тыс. Тем не менее, это сокращение ещё не характеризовало приближения естественного движения к демографическому благополучию [12, с. 14]. Оно скорее говорило о том, что нужны срочные меры, которые способны исправить демографическую ситуацию в России. Тем более, что для этого в России уже сформировались соответствующие социально-экономические условия. К тому же и население в начале XXI столетия, скорее всего, уже адаптировалось к изменившимся жизненным реалиям, чего не было в 90-е годы, особенно в их начале, когда ломались привычные устои и не вполне цивилизованными методами создавались условия, не гарантировавшие всеобщего благоденствия.

Таблица 1

Динамика естественного движения населения в 1999–2006 гг., тыс. человек

Table 1

Dynamics of Natural Population Movement in 1999–2006, Thousand People

Годы	Числа родившихся	Числа умерших	Естественная убыль, прирост	КРЕД**
1999	1214,7	2144,3	-929,6	1765
2000	1266,8	2225,3	-958,5	1756
2001	1311,6	2254,9	-943,3	1719
2002	1397,0	2332,3	-935,3	1669
2003	1477,3	2365,8	-888,5	1602
2004	1502,5	2295,4	-792,9	1527
2005	1457,4	2303,9	-846,6	1581
2006	1479,6	2166,7	-687,1	1464

**Коэффициент результативности естественного движения населения, представляющий отношение числа умерших к числу родившихся в расчёте на 1000 человек.

Источник: Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 65.

В связи со сказанным поручение Президента России в январе 2000 г. подготовить Концепцию демографического развития оказалось весьма своевременным⁷. В соответствии с этим поручением в сентябре 2001 г. Правительством России была одобрена Концепция демографического развития РФ на период до 2015 г. Вслед за одобрением Постановлением Правительства в 2002 г. этой Концепции началась разработка подобных документов в ряде субъектов Российской Федерации. Во многих регионах стали разрабатываться программы демографического развития. В этих программах был отражен накопленный огромный опыт разработки часто оригинальных мер по стимулированию рождаемости. В частности, при

рождении ребёнка определённой очередности в ряде регионов открывались на детей накопительные лицевые счета.

Все принимавшиеся региональные меры в области повышения рождаемости были всего лишь «полумерами». Во второй половине XXI века Президентом РФ в ежегодном обращении к Федеральному Собранию была дана оценка развитию демографической ситуации в стране и сказано о необходимости создания надлежащих условий и стимулов роста рождаемости, в числе которых в качестве основного назван материнский капитал⁸. Вслед за предложениями Президента в 2007 г. была одобрена президентским указом «Концепция де-

⁷ Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию / Парламентская газета. № 128(508). 11 июля 2000 г.

⁸ Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию // regnum.ru: [сайт]. 10 мая 2006. URL: <http://www.regnum.ru/news/637297.html?forprint10/05/2006> (дата обращения: 01.03.2024).

мографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», т.е. почти на двадцатилетний период. В этой концепции, как и в предыдущей, были определены цель, задачи и направления проведения демографической политики, т.е. всё то, что составляет содержание этого инструмента. Собственно демографическая политика – это система общепринятых на уровне властных структур (в данном случае президентского указа) идей и концептуально объединённых средств, с помощью которых государство и другие общественные институты предполагают достижение в демографическом развитии страны поставленных целей. Наряду с новой «Концепцией...» был одобрен и начал реализовываться комплекс новых мер государственной помощи семьям с детьми. Следует сказать, что ряд принятых мер разработчиками был заимствован из того набора, который осуществлялся в стране в соответствии с Постановлением «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей», принятым ЦК КПСС и СМ СССР в январе 1981 г. Меры этого Постановления оказались достаточно результативными для 1982–1988 гг. После 1982 г. вплоть до 1988 г. числа родившихся ежегодно превышали величины в 2,4–2,5 млн, а СКР с 1982–1983 г. вплоть до 1989 г., т.е. семь лет, превышали отметку 2.

К числу мер, начавших применяться с января 2007 г., относится повышение размеров пособия женщинам (включая работающих и неработающих) по уходу за ребёнком до достижения им возраста полутора лет [7, с. 56]. Его минимальная величина была установлена в 1,5 тыс. руб. в период по уходу за первым ребёнком и 3,0 тыс. руб. – за вторым и последующими детьми. Были также введены частичная компенсация оплаты за содержание детей в государственных дошкольных образовательных учреждениях, меры по улучшению оказания медицинской помощи женщинам в период беременности, родов и диспансерного наблюдения ребёнка в течение первого года жизни, увеличена стоимость родового сертификата, расширено строительство перинатальных центров. К числу мер, направленных на стимулирование рождения вторых и последующих детей, относится усиление материальной поддержки семей при рождении и воспитании детей, развитие учреждений родовспоможения, стимулирование устройства на воспитание в семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также повышение занятости женщин, имеющих малолетних детей, организация их профессиональной подготовки и переподготовки.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что среди всех федеральных и региональных мер наиболее

важной явился материнский (семейный) капитал, предоставляемый семьям при рождении второго и последующих детей. Из всех тех, кто получил материнский капитал до начала 2013 г., 97% решили использовать его на различные формы улучшения жилищных условий. Это оказалось основной мерой. С началом 2007 г. все последующие 8 лет ежегодные числа родившихся и суммарные коэффициенты рождаемости возрастали, причём в значительно большей мере, чем это было в предшествующие 2000–2006 гг. (таблица 2).

Если в 2000–2006 гг. прирост СКР к 1999 г. составил 0,139, то в 2007–2015 годы к исходному 2006 г. – 0,472. В начальные шесть лет в среднем за год прибавлялось по 0,023, а в последующие девять лет прирастало в среднем за год по 0,052, т.е. в 2,3 раза больше. За период 2007–2015 гг. лишь в 2013 и 2015 годах было небольшое сокращение чисел родившихся (на 6 и 2 тыс.), тогда как в остальные годы был, хотя и различный, но всё же прирост величин. Наибольший прирост пришелся на 2007, 2008 и 2012 годы (8,8; 6,5 и 5,8%). Числа родившихся в наиболее продуктивных возрастах (20–34 года) в 2015 г. превысили уровень исходного 2006 г. почти на 40% (39,8%). В этот же период непрерывно вплоть до 2015 г. рос и СКР, притом наибольшие темпы пришлись на те же годы (5,1; 6,1 и 6,9%). В целом в 2015 г. относительно 2006 г., т.е. в течение девяти лет, число родившихся увеличилось на 31,1%. В это же время СКР возрос на 36,2%. На несовпадение динамики СКР и численности родившихся повлияли различия соотношений между возрастными показателями рождаемости и численностью женщин соответствующих возрастов [8]. В данном случае динамика возрастных коэффициентов рождаемости и определила больший прирост СКР по сравнению с числами родившихся.

С началом реализации новых мер демографической политики выросла не только численность родившихся, но и увеличилась среди них доля вторых и последующих за ними рождений. Так, прибавка суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2007 году в 17 раз превышала прибавку по первым рождениям. Собственно подобное было и в 80-е годы [3, с. 40–43]. О том, что меры демографической политики в большей мере повлияли на увеличение вторых рождений, чем на рождение первых, свидетельствует и динамика возрастных коэффициентов рождаемости во всех трёх основных группах женщин. В 2007 г. показатели рождаемости у женщин в возрасте 20–24 г. выросли на 1,9%, в 25–29 лет – на 10,8% и в 30–34 г. – на 16,1%. Все 9 лет, когда повышались СКР и числа родившихся, росли и возрастные показатели рождаемости, однако разными темпами, что меняло их соотношения: вклад группы 20–24 года сокращался, а групп 25–29 и 30–34 года рос.

Таблица 2

Динамика показателей рождаемости населения России в 2006–2015 годы

Table 2

Dynamics of Birth Rates of the Russian Population in 2006–2015

Годы	Числа родившихся тыс. чел.	Прирост, убыль, в % к пред. году	Родились у лиц в возрасте, тыс. чел.			Родились в возрасте 20–34 года, тыс. чел.	СКР	Прирост, убыль, в % к пред. году
			20–24	25–29	30–34			
2006	1480	100,0	531,0	434,3	244,3	1209,6	1,305	100,0
2007	1610	8,8	549,3	487,8	287,6	1324,7	1,416	5,1
2008	1714	6,5	561,6	530,2	322,8	1414,6	1,502	6,1
2009	1762	2,8	552,8	563,0	346,4	1462,2	1,542	2,7
2010	1789	1,5	526,9	590,2	370,9	1488,0	1,567	1,6
2011	1797	0,4	510,2	603,8	379,9	1493,9	1,582	1,0
2012	1902	5,8	502,8	658,3	419,1	1580,2	1,691	6,9
2013	1896	-0,3	458,9	667,9	439,1	1565,9	1,707	0,9
2014	1943	2,5	426,2	669,9	478,0	1574,1	1,750	2,5
2015	1941	-0,1	490,8	695,7	504,7	1691,2	1,777	1,5

Источники: Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 134, 90; Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 37, 45, 57.

За рассматриваемые годы не только увеличились возрастные показатели, но и возростала численность женщин в возрасте 20–34 года, причём особенно значительно группа 25–29 лет. Ростом численности женщин, входящих в различные группы возрастов, определяется как «отношение числа родившихся живыми за год у женщин данной возрастной группы к среднегодовой численности женщин этого возраста...»⁹. По сути, численность населения каждой возрастной группы равна отношению числа родившихся живыми в этой группе женщин к их возрастному коэффициенту. Выполненные по этой схеме расчёты показывают, как менялись численности женщин в возрасте 20–34 гг. и происходившие структурные изменения с 2007 по 2015 гг. В частности, в возрастной группе 20–24 года число родившихся практически оставалось тем же, хотя численность женщин этого возраста сократилась более чем на 0,5 млн, в группе 25–29 лет и число рождений, и численность женщин этого возраста одновременно увеличивались, наконец, в группе 30–34 гг. увеличению чисел родившихся в 1,7 раза соответствовала прибавка 750 тыс. женщин данного возраста. Очевидно, что динамика чисел родившихся, в определённой мере, зависит от колебаний численности женщин того или иного возраста, тогда как СКР – только от величин повозрастной рождаемости [9, с. 58]. Этим, собственно, и объясняется то, что СКР в 2015 г. был больше, чем в 2006 г., на 36,2%, а числа родившихся – на 39,8%.

В 2006 г. среднее для России значение СКР составляло 1,305. Оно за 2007 г. увеличилось на 0,111

и достигло 1,416. Для сравнения, за 2000–2006 гг. СКР возрос на 0,148 или на 0,025 в среднем за год, или меньше в 4,4 раза. Нет смысла говорить, что 2007 г. был наиболее результативным для новой демографической политики. Это же относится и к регионам, только за одним исключением: в них изменение величин СКР происходило весьма различающимися темпами. Регионы России по уровням СКР для 2007 г. распределены по шести группам. Первая группа – с минимальными размерами СКР, не превышавшими 1,3, включает 13 регионов. Группу составляют: Ленинградская область (1,06), города Москва (1,1) и Санкт-Петербург (1,14), Тульская область (1,15), Мордовия (1,18), Воронежская область (1,19) и Московская область (1,2). У этих семи регионов с наименьшими значениями СКР в 2007, как и в предшествующих годах, годовой прирост суммарного коэффициента рождаемости не превышал 0,04–0,07. В остальных регионах этой группы СКР в 2007 г. оказался в интервале 1,21–1,3. В шести областях этой группы СКР был равен: в Смоленской – 1,23; в Ульяновской – 1,24; в Тамбовской – 1,25; в Ростовской – 1,29; в Нижегородской и Пензенской по 1,3. Годовые приросты СКР у этих областей (исключение Ульяновская область, у которой прирост самый низкий в группе –0,07) составили от 0,08 до 0,13. Можно допустить, что новые меры демографической политики, вступившие в силу в 2007 г., эти регионы затронули в наименьшей степени.

Во вторую группу со значениями СКР 1,31–1,4 входит 20 регионов, среди них – Магаданская и Самарская области (у них СКР 1,32), Рязанская, Ивановская и Саратовская области (1,33), Бел-

⁹ Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 132.

городская, Калужская, Орловская и Ярославская области (1,34), Магаданская область (1,35), Брянская, Владимирская и Липецкая области (1,36), Волгоградская область (1,37), Республика Татарстан и Ставропольский край (1,38), Томская и Новосибирская области (1,39), а также Псковская и Калининградская области (1,4). Годовая прибавка СКР в этой группе составила у 14 регионов от 0,11 до 0,4 (у 6 регионов), и ещё в 6 регионах от 0,03 до 0,08. В этой группе наименее затронутыми новыми мерами повышения рождаемости являются Липецкая, Орловская, Ярославская, Самарская и Мурманская области.

Третья достаточно большая группа включает 22 региона, у которых СКР в 2007 г. составил от 1,41 до 1,5. В Карелии, Курской области и Приморском крае СКР был равен 1,41; в Тверской области и Красноярском крае по 1,42; в Омской области – 1,43; в Свердловской области, Алтайском и Хабаровском краях – 1,44; в Новгородской и Кировской областях, а также Краснодарском крае – 1,45, в Костромской и Челябинской областях – 1,46. Наиболее высокие в этой группе показатели СКР были у Республики Марий Эл, в Камчатском крае и Волгоградской области (1,47), Сахалинской области и Республике Коми (1,48), а также в Чувашии, Кемеровской и Архангельской областях (по 1,5). В 12-ти регионах этой группы годовая прибавка СКР составила от 0,11 до 0,17, в остальных прибавка близка к значениям в предыдущей группе. Наиболее значительный прирост СКР был в Алтайском крае (0,17), в Чувашии, Омской и Курской областях (0,15), наименьшие показатели – в Вологодской области (0,08) и трёх районах Дальнего Востока: Хабаровском крае, Сахалинской области (по 0,08) и Камчатском крае (0,05).

В четвёртую группу включены регионы с величиной СКР 1,51–1,7. Их – 16, в т.ч. от 1,51 до 1,6 девять, от 1,61 до 1,7 семь. Это географически и этнически весьма разнообразная группа, в первую её часть входят Пермский край (1,52), Кабардино-Балкария и Амурская область (1,54), Карачаево-Черкессия (1,55), Удмуртия (1,57), Адыгея (1,58), а также Курганская и Еврейская автономная области (1,59). Вторую часть составляют Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО (1,61), Тюменская область (1,62), Башкортостан (1,63), Хакасия (1,64), а также Иркутская и Астраханская области (1,67). Годовой прирост СКР в этой группе достаточно разбросан: в Республиках Северного Кавказа, Поволжья и даже Сибири он колеблется от 0,17 (Удмуртия) до 0,24 (Кабардино-Балкария). В эту вилку попадает из всех остальных районов только Иркутская область (0,19). В остальных районах прирост составил от 0,1–0,11

(Амурская область и ЯНАО) до 0,16 (Курганская и Оренбургская области). Исключением является Ханты-Мансийский АО, прирост СКР в котором был 0,09.

Пятая и шестая группы включают соответственно 8 и 4 региона. Это за исключением Ненецкого АО (у него СКР достиг 2-х), все остальные районы относятся к Северному Кавказу (в них входит также Калмыкия с СКР 1,74) и азиатской России (Сибирь и Дальний Восток). Среди тех регионов, у которых СКР был 1,71 и выше, но не превышал 2,0, также оказались: Северная Осетия (1,71), Забайкальский край (1,72), Дагестан (1,81), Чукотский АО (1,83), Бурятия (1,184) и Якутия (1,91). У четырех остальных СКР либо сохранились на уровне, превышающим 2, либо их достигли. В числе двух первых Ингушетия (2,22) и Алтай (2,34), а вторых – республики Тыва (2,69) и Чеченская (3,18). В Ненецком АО, Бурятии, Якутии, Забайкальском крае, а также Дагестане, Калмыкии и Северной Осетии прирост СКР находился в вилке 0,11 (Забайкальский край) – 0,21 (Северная Осетия). В это же время приросты СКР составили в Ингушетии 0,23; в республиках Алтай и Чеченская по 0,37, а также в Тыве 0,57. Исключением не только для этих двух, но и всех остальных явился прирост СКР в Чукотском АО – он оказался даже ниже на 0,05, чем минимальное значение в первой группе, где в Ульяновской области он был 0,07.

Региональная динамика суммарных коэффициентов рождаемости в годы преодоления депопуляции в России (2007–2015 гг.)

Прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2007 г. был самым высоким в течение всех 9 лет, в которые продолжала давать свои положительные результаты принятая в 2006 г. демографическая политика [10]. В 2008–2015 гг. прирост СКР в среднем за год составлял по 0,017. Величины прироста были различными для разных регионов, как, впрочем, и СКР, которые существенно различались не только между собой в 2015 г., но и почти у каждого региона с уровнем этого показателя в 2007 г., не говоря уже о более раннем времени. Отсюда и распределение регионов по первым трём группам (до 1,03; от 1,31 до 1,4 и от 1,41 до 1,5) в 2015 г. оказалось весьма своеобразным. В каждой группе было всего по одному региону, а в сумме по 3, тогда как ещё в 2007 г. таких регионов было 55. В Ленинградской области СКР составлял 1,29 (самый низкий в стране), в Мордовии – 1,36 и в Москве – 1,41. Приросты этого показателя у этих регионов в 2008–2015 гг. были достаточно большими 0,23; 0,18 и 0,31.

В четвёртую группу (от 1,51 до 1,7) вошли регионы, у которых величины СКР были в развил-

ках 1,51–1,6 и 1,61–1,7. В составе первых оказались Тамбовская область (СКР равен 1,51), Смоленская и Воронежская области (1,52), Карачаево-Черкессия (1,54), Пензенская область (1,55), Белгородская область (1,56), Тульская область (1,57), Санкт-Петербург и Вологодская область (1,59), а также Орловская, Саратовская и Томская области (1,6). В Санкт-Петербурге прирост СКР за 8 лет составил 0,45; в Тульской области – 0,42 и в Воронежской области – 0,33. У остальных его величина была меньше 0,3, но больше 0,2. Исключением явилась Карачаево-Черкессия, у которой был не прирост СКР, а его сокращение (-0,01). В числе вторых были Ивановская и Ростовская области (1,63), Ставропольский край (1,64), Брянская область (1,65), Магаданская область (1,66), Нижегородская область (1,67), Московская область (1,68), Липецкая, Тверская и Ярославская области (1,7). Приросты СКР в этих регионах были значительнее, чем у предыдущих, для большинства они превышают 0,30-0,35, а в Московской области – даже 0,48.

Самая многочисленная пятая группа охватывает регионы с СКР, равным 1,71-2,0. Их в группе 37, которые делятся на три части. В первой части (СКР от 0,71 до 1,8) 13 регионов: Ульяновская, Самарская и Мурманская области (1,71), Курская область и Адыгея (1,72), Владимирская и Кемеровская области (1,73), Псковская область (1,74), Кабардино-Балкария и Калининградская область (1,75), Приморский край (1,76), Карелия (1,77) и Новгородская область (1,78). Приросты СКР у этих регионов в основном составили от 0,31 до 0,39. Самый низкий прирост был в Адыгее (0,14) и самый высокий – в Ульяновской области (0,47). Ко второй части относятся регионы с величинами СКР от 1,81 до 1,9. Таких регионов – 13. Среди них – Алтайский край (1,81), Новосибирская область (1,82), Калмыкия (1,83), Амурская, Калужская и Челябинская области, а также Краснодарский и Красноярский края (1,84), Архангельская область и Хабаровский край (1,85), Республика Татарстан, Камчатский край и Костромская область (1,89). Приросты СКР в этой части регионов находятся в вилке от 0,3 (Амурская область) до 0,5 (Калужская область). Исключение составляет Калмыкия, прирост у которой составил 0,09. К этой же группе относится и 12 регионов, у которых СКР в 2015 г. достиг 1,91–2,0. Среди них Омская и Кировская области, а также Чувашия (1,91), Вологодская область (1,92), Северная Осетия (1,93), Башкортостан (1,94), Свердловская область (1,95), Астраханская область и Ингушетия (1,97), Республики Хакасия и Марий Эл (1,99) и Республика Коми (2,0). В третьей части этой группы из 12 регионов семь составляют республики

Северного Кавказа, Поволжья и одна – Северо-Запада страны. У большей половины регионов этой группы приросты СКР составили 0,4–0,5, у Республик Коми и Марий Эл – по 0,52. В свою очередь в Ингушетии, вместо прироста, было сокращение на – 0,25.

Шестая группа самая продуктивная, в неё входят регионы, у которых СКР превышает цифру 2. В четырех регионах (Иркутская и Оренбургская области, Удмуртия и Чукотский АО) СКР в 2015 г. составлял 2,01, и ещё в четырёх (Сахалинская и Еврейская автономная области, Пермский край и Дагестан) был равен 2,02, в Забайкальском крае – 2,06, а в Ханты-Мансийском АО и Тюменской области – 2,07. В трёх тоже разнообразных регионах этот показатель достиг отметки в 2,12 (Курганская область) и 2,19 (Ямало-Ненецкий АО и Саха (Якутия)). В этот перечень попало 9 регионов Сибири и Дальнего Востока, в т.ч. 5 относимых к северным. Остальные пять регионов – это Уральский ФО (Курганская область), три из Приволжского ФО (Удмуртия, Оренбургская область и Пермский край), а также вернувшийся в группу, в которой СКР превышал 2,0, один регион Северного Кавказа – Дагестан. В двух республиках, обе из Сибири (Алтай и Бурятия), СКР составлял 2,68, а в Чеченской Республике даже 2,8 с той лишь разницей, что его величина к уровню 2007 г. сократилась на 0,38. И наконец, Тыва сделала рывок, увеличила и без того высокий СКР на 0,7, и он в 2015 г. стал самым высоким в России – 3,39. У большей половины регионов этой группы прирост СКР составил от 0,4 до 0,6.

Середина десятых годов 2014–2016 гг. явилась переломным моментом бывшего сравнительного благополучия в демографическом развитии России. Если ещё в 2013–2015 гг. вместо затяжной депопуляции был хотя и небольшой, но всё же естественный прирост населения (на три года пришлось 86 тыс.), то с 2016 г. вновь наступила полоса естественной убыли [6]. С этого года в формировании естественной убыли стали участвовать оба компонента: и смертность, и рождаемость¹⁰. В начале нового столетия число умерших составляло 2,2–2,3 млн. В 2019 г. оно опустилось до своего минимального значения – 1798,3 тыс., но уже в 2020 г. вследствие эпидемии коронавируса взлетело до 2138,6 тыс. человек (увеличилась к уровню 2019 г. более чем на 340 тыс.), а в 2021 г. достигло небывалой величины для всего постсоветского времени – 2441,6 тыс. (самое большое число было в 2003 г. (2365,8 тыс., т.е. на 758 тыс. меньше)). В 2022 г. с прекращени-

¹⁰ Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 37, 46.

ем эпидемии коронавируса число умерших вернулось на уровень 2016 г. и было меньше, чем в 2015 г., на 637 тыс.

Иной была динамика рождаемости. Здесь в результате сравнительно плавного сокращения чисел родившихся их величина в 2022 г. опустилась до отметки 1304,1 тыс. против 1941 тыс. в 2015 г. В свою очередь СКР, составивший в 2022 г. 1,416, сократился по сравнению с уровнем 2015 г. (1,777) на 0,361. Напомним, что в 2015 г. СКР был на 0,472 больше, чем в 2006 году, предшествующему началу реализации новых мер демографической политики. 2022 год – это ещё не завершающий год сокращения рождаемости. Так, согласно оперативным данным, в 2023 г. число родившихся в России (вместе с Крымом и Севастополем) составило 1255 тыс. (сократилось к уровню 2022 г. больше чем на 50 тыс.). В это же время число умерших опустилось до отметки 1760 тыс. (такой величины не было после 1990 г.).

На соотношении темпов сокращения чисел родившихся и СКР сказалась бывшая в десятые и начальные двадцатые годы XXI в. динамика численности женщин в наиболее активных репродуктивных возрастах. Первые в 2022 г. уменьшились к уровню 2015 г. до 67,2%, а вторые – всего до 79,7%. В 20-е годы продолжится сокращение численности женщин репродуктивного возраста, в т.ч. и в наиболее продуктивных группах. Об этом говорят разные данные. Прежде всего, об этом свидетельствуют цифры о рождаемости в 80-х – 90-х годах. В последнее советское время, когда осуществлялись меры, направленные на повышение рождаемости, принятые в 1981 г., числа родившихся в 1982–1988 гг. находились на уровне 2,4–2,5 млн [3]. Женщины этих лет рождения и формировали наиболее активные репродуктивные возраста уже с начала нового столетия. В 2008 г. те, кто родился в 1988–1984 гг., составили возрастную группу в 20–24 года, через 5 лет в 2013 г. им было 25–29 лет (наиболее продуктивные возраста) и т.д. В свою очередь те, кто родился в 1995–2001 гг. (их было в среднем за год 1,4 млн меньше, чем в 80-е годы) в 2015 г. образовали возрастную группу 20–24 года [13, с. 127]. В 2020 г. они составили группу в 25–29 лет. Другим источником данных о репродуктивных возрастах в 20-е годы являются материалы последней переписи населения. В 2021 г. женщин в возрасте 20–24 года было 3327 тыс., в 25–29 лет – 4033 тыс. и в 30–34 года – 6015 тыс., а всего 13,4 млн. В 2026 г. их должно быть меньше даже тех цифр, которые оказываются в результате простой передвижки возрастов. Уточнение в цифры вносит по возрастной смертность [11]. С учётом этого по-

лучаются такие примерные цифры (тыс.): 0 3510, 3275 и 3930, а всего 10,7 млн. В 2031 г. эти цифры составят: 4015, 3453 и 3100, а всего женщин в возрасте 20–34 года будет 10,6 млн. В 2026, как и в 2023 г., численность женщин в возрасте 20–34 годы окажется меньше, чем в 2021 г., на 2,3 млн.

Учитывая наступающие демографические трудности в стране, Президент РФ в своём Послании Федеральному собранию 29 февраля 2024 г.¹¹ подчеркнул, что ныне поддержка семей с детьми является фундаментальным нравственным выбором. Это положение дополнено рядом конкретных инициатив. В их числе: сохранение ежемесячного пособия для семей с невысокими доходами, причём от беременности женщины до достижения ребёнком 17 лет; продление программы семейной ипотеки до 2030 года, сохранение её основных базовых параметров; продление до того же года погашения части ипотечного кредита при рождении третьего ребёнка; увеличение вдвое налогового вычета на второго, третьего и каждого последующего ребёнка; продление действия программы материнского капитала до 2030 года и др. Всё это и многое другое, скорее всего, скажется на динамике СКР, но, к сожалению, не на числах рождений, которые во многом будут зависеть от сокращающихся контингентов женщин репродуктивного возраста (ежегодно во второй половине 20-х и начале 30-х годов не менее, чем на 1/5).

Заключение

Демографическая волна, возникшая в 80–90-е годы прошлого столетия, весьма существенно влияла и ещё будет влиять на числа родившихся в 20-е годы нынешнего столетия. К тому же этим временем она не ограничится. Можно ожидать, что на стыке 40-х – 50-х годов волна вновь даст знать о себе. Чтобы уменьшить последствия демографической волны в середине XXI века, необходимо уже сегодня принять продуманную достаточно результативную демографическую политику, учитывающую, с одной стороны, временные и пространственные для России рамки, а с другой стороны, этническую, возрастную и генетическую структуры населения разных регионов страны. Об этом разнообразии свидетельствует динамика роста и сокращения СКР в регионах с разным составом населения и разным расположением на территории страны (таблица 3)

¹¹ Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию // kremlin.ru: [сайт]. 29 февраля 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 01.03.2024).

Таблица 3

Динамика суммарных коэффициентов рождаемости разных групп регионов в 1990–2022 гг.

Table 3

Dynamics of Total Fertility Rates of Different Groups of Regions in 1990–2022

Группы СКР	1990 г.	1999 г.	2006 г.	2015 г.	2022 г.
До 1,2 включительно	X	49	17	x	12
1,21–1,3	X	16	25	1	12
1,31–1,4	1	4	18	1	11
1,41–1,6	3	4	12	13	29
1,61–1,8	14	4	6	24	12
1,81–1,9	17	2	x	13	2
1,91–2,0	14	X	1	12	1
2,1 и более	29	X	3	18	3
Всего регионов	78	79	83	82*	82*

*отсутствует Ненецкий АО.

Источник: на основе данных Росстата.

В 1990 г. был один район с величиной СКР больше 1,31, в 1999 г. их было 49, в т.ч. у 8 районов СКР был ниже 1,0, у 17-ти от 1,01 до 1,1, у 24 – от 1,11 до 1,2 и у 16-ти – от 1,21 до 1,3. Всего таких регионов было 65 из 79. Наоборот, если регионов с СКР, превышавших 2,0 в 1990 г., было 29, то в 1999 г. – 0. Не было и регионов с вилкой СКР от 1,91 до 2,0. С 2006 г. картина хотя и медленно, но стала меняться. Теперь регионов с СКР 1,4 и меньше стало 60 (число тех, что меньше 1,2 в 2006 г. стало 17 против 49 в 1999 г.), а превышающих 1,9 – четыре, в т.ч. три со значениями большими 2-х. Ещё значительно изменилась картина в 2007–2015 гг. В последнем году, когда отсутствовала депопуляция (2015 г.), расположение регионов к наименьшим и наибольшим значениям СКР

приблизилось к тому, что было в 1990 г. У пяти регионов, все они из Сибири (в т.ч. и Ямало-Ненецкий АО) и Дальнего Востока, величина СКР превышала 2,19. В 2015 г. всего 15 регионов имели значения СКР ниже 1,6. Картина существенно изменилась к 2022 г. В 64 регионах СКР оказались ниже 1,6 и лишь у 6-ти – больше 1,8. Районов, у которых СКР превышал 2, было всего три, в числе которых Чеченская Республика (2,74), Тыва (2,54) и Республика Алтай (2,07). В свою очередь самые низкие показатели были в Ленинградской области (0,87), Мордовии (1,03) и Смоленской области (1,08). Наибольшие различия в распределении регионов по группам и их динамике вносят этнический состав населения и местоположение субъектов РФ.

Список литературы

1. Караулов А. Русский ад: в 2 т. М.: Аргументы недели, 2012. 512 с. ISBN 978-5-280-03739-7
2. Рогачев С.В. Выбор альтернатив: риски и мифы. М.: ИСПИ РАН, 2012. 335 с. ISBN 978-5-7556-0473-4
3. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-Информ, 2014. 231 с. ISBN 978-5-9506-1114-8
4. Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) / под ред. Г.Н. Кареловой и Л.Л. Рыбаковского. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2001. 262 с.
5. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / под ред. С.В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2019. 79 с. ISBN 978-5-907057-98-2 EDN TRHGUC
6. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры: национальный демографический доклад–2020 / под ред. С.В. Рязанцева. М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с. ISBN 978-5-93856-292-9 <https://doi.org/10.25629/НС.2020.13.01> EDN STFBW1
7. Архангельский В.Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3(371). С. 56–64. EDN TQASKL
8. Архангельский В.Н. Трансформация показателей рождаемости в реальных поколениях российских женщин // Народонаселение. 2014. № 3(65). С. 26–41. EDN SZIQFR
9. Демографическое развитие России в первой четверти XXI века / под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2009. 339 с. ISBN 978-5-9506-0413-3
10. Демографическое настоящее и будущее России: монография / В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Н.И. [и др.]; под ред. В.Ф. Колбанова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2012. 417 с. ISBN 978-5-9506-0884-1
11. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Фадеева Т.А. Воспроизводственный потенциал демографического развития России / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2022. 165 с. ISBN 978-5-907427-72-3

12. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Демографическая динамика регионов России и её компоненты в 1959–2017 гг. // Народонаселение. 2019. Том 22. № 1. С. 4–20. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00001> EDN MPTHVQ

13. Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Депопуляция в регионах России к началу 2020 года // Народонаселение. 2020. Том 23. № 3. С. 119–129. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11> EDN PPKYBP

Информация об авторах:

Леонид Леонидович Рыбаковский – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 7149-2499) (РИНЦ Author ID: 71691)

Тамара Андреевна Фадеева – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 4296-4012) (РИНЦ Author ID: 854710)

Заявленный вклад авторов:

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Автор, ответственный за переписку – Леонид Леонидович Рыбаковский.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 18.05.2024; принята к публикации 09.06.2024.

References

1. Karaulov A. Russkij ad. In 2 Vol. Moscow: Argumenty nedeli; 2012. 512 p. ISBN 978-5-280-03739-7 (In Russ.)
2. Rogachev S.V. Vybory al'ternativ: riski i mify. Moscow: ISPR RAS; 2012. 335 p. ISBN 978-5-7556-0473-4 (In Russ.)
3. Rybakovskij L.L. 20 let depopulyacii v Rossii. Moscow: Ekon-Inform; 2014. 231 p. ISBN 978-5-9506-1114-8 (In Russ.)
4. Karelova G.N., Rybakovskij L.L. (eds.) Stabilizaciya chislennosti naseleniya Rossii (vozmozhnosti i napravleniya demograficheskoj politiki). Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing; 2001. 262 p. (In Russ.)
5. Ryazancev S.V. (ed.) Demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization. National demographic report. Moscow: Ekon-Inform; 2019. 79 p. ISBN 978-5-907057-98-2 (In Russ.)
6. Ryazancev S.V. (ed.) Demograficheskoe razvitie Rossii: tendencii, prognozy, mery. National demographic report. Moscow: Ob"edinennaya redakciya LLC; 2020. 156 p. ISBN 978-5-93856-292-9 <https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.01> (In Russ.)
7. Arkhangel'skiy V.N. Assistance to families with children in Russia: an assessment of demographic efficiency. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological studies*. 2015;(3(371)):56-64. (In Russ.)
8. Arkhangel'skiy V.N. Transformation of fertility indicators in the real generations of Russian women. *Narodonaselenie=Population*. 2014;(3(65)):26-41. (In Russ.)
9. Osipov G.V., Rybakovskij L.L. (eds.) Demograficheskoe razvitie Rossii v pervoj chetverti XXI veka. Moscow: Ekon-Inform; 2009. 339 p. ISBN 978-5-9506-0413-3 (In Russ.)
10. Kolbanov V.F., Rybakovskij L.L. (eds.), Arhangel'skiy V.N., et al. Demograficheskoe nastoyashchee i budushchee Rossii: monograf. Moscow: Ekon-Inform; 2012. 417 p. ISBN 978-5-9506-0884-1 (In Russ.)
11. Arkhangel'skiy V.N., Ivanova A.E., Fadeeva T.A. Vosproizvodstvennyj potencial demograficheskogo razvitiya Rossii. Moscow: Ekon-Inform; 2022. 165 p. ISBN 978-5-907427-72-3 (In Russ.)
12. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Population dynamics of Russian regions and its components in 1959–2017. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(1):4-20. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00001> (In Russ.)
13. Rybakovsky O.L., Fadeeva T.A. Depopulation in the regions of Russia by the beginning of 2020. *Narodonaselenie=Population*. 2020;23(3):119-129. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11> (In Russ.)

Information about the authors:

Leonid L. Rybakovskij – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (SPIN-code: 7149-2499) (РИНЦ Author ID: 71691)

Tamara A. Fadeeva – PhD in Economics, Leading Researcher, the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (SPIN-code: 4296-4012) (РИНЦ Author ID: 854710)

Authors' declared contributions:

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Leonid L. Rybakovskij.

The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 18.05.2024; accepted for publication 09.06.2024.